

Сергей Рынкевич

ДЕРЕВО

СОН В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

ЛЕОНАРДО

Романы

Минск
«Колорград»
2021

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(Бел=Рус)-44
Р95

Рынкевич, С. А.

Р95 Дерево ; Сон в новогоднюю ночь ; Леонардо :
романы / Сергей Рынкевич. – Минск : Колорград,
2021. – 264 с.

ISBN 978-985-596-783-6.

Первая работа в жанре прозы члена Союза писателей Республики Беларусь и Союза писателей Союзного государства Сергея Рынкевича. Три произведения о самом красивом чувстве, любви мужчины к женщине, об их сложных отношениях, ведь не всегда любовь может быть взаимной, но высокие чувства побеждают и делают нас лучше. Второй и третий романы имеют любовно-приключенческую тематику.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(Бел=Рус)-44

ISBN 978-985-596-783-6

© Рынкевич С. А., 2021
© Оформление.
ООО «Колорград», 2021

Оглавление

Дерево	4
Сон в новогоднюю ночь	12
1. Инга	12
2. Марк	21
3. Рождественская встреча	38
4. Чудесный изумруд	70
5. Пробуждение	103
Леонардо	117
1. Профессор и морские ежи	117
2. Дискуссия в столовой	135
3. Поездка во Францию	161
4. Эксперимент на костях	180
5. Открытие	192
6. Уголок да Винчи	201
7. Детство и юность	222
8. Зигзаг судьбы	230

Дерево

*Любовь – это приветствие,
которое ангелы шлют звёздам.
В. Гюго. Отверженные*

Карлос был деревом.

Всю свою предыдущую беспокойную и трудную жизнь он мечтал быть деревом, и вот ему это удалось. Если бы не случилось той автотрагедии, возможно, он никогда б не получил это место в мироздании.

Место под Солнцем. Его приютила высокая Гора. Он рос спокойно и неприхотливо, над обрывом, так что его корни едва ли не полоскались в облаках. В его зелёной голове свила гнездо какая-то пичуга, но, поскольку в предыдущей жизни он биологию не любил и в зоологии не особо разбирался, то не знал, кто это. Но птичка так смешно говорила по утрам «Пень! Пень!», что Карлосу она сразу же приглянулась. Листьев у Карлоса не было. Вместо них имелись одни только длинные, упругие и прочные тёмно-зелёные иголки. Ствол у дерева был звонкий и золотистый, как и положено всякой порядочной корабельной сосне.

Своей новой жизнью Карлос был более чем доволен. Здесь никогда не чувствовалось сухо,

а почвы, пусть её и не совсем хватало, было достаточно для того, чтобы уцепиться крепкими узловатыми корнями.

Высоко-высоко вверху чёрными точками грациозно парили большие птицы. Неподалёку изредка пробежал горный баран, а внизу, под обрывом, через клочья облаков виднелся город: маленький, такой уютный и красивый, будто выстроенный из карамели и затвердевшей нуги. Карлос помнил, что когда-то он жил в нём. Но там было слишком шумно, бурно и вечно требовалось разговаривать и что-то решать – а Карлос этого не любил. В городе было много проблем.

Здесь он тоже изредка беседовал с другими соснами. Иногда вольный Ветер, живущий высоко по склону Горы в пещере, не на шутку расходился от хмельной свободы. Под его натиском остальные сосны скрипели и стонали – жаловались на жизнь друг другу, а то и делились сплетнями или фантазиями о том, что неплохо бы им стать полноценным корабельным лесом и попасть в лапы лесника с топором. Каждая из них мечтала стать прекрасной стройной мачтой, грезила уплыть далеко в океан, чтобы повидать Чужие Края.

Однако Карлос ни о чём таком не мечтал. Несмотря на кажущуюся издалека силу и мощь, ствол местами у него был изломан десять раз, ветви раскинулись широко в стороны, а корни оплетали скалу так, как будто это нескончаемая воздушная паутина. Раз в году, как и положено, на нём зрели шишки, и он сбрасывал их вниз. Может, где-то там, под облаками, на зелёных лугах и в тенистых балках, возле ручьёв, из этих шишек могли вырасти самые настоящие красавицы, получив шанс оказаться форштевнем, или килем, а то и носом прекрасного корабля.

А ещё у Карлоса была подруга – маленькая девочка Эля. Она нередко приходила и садилась поиграть у его корней, хотя родители ей это строго-настрога запрещали. Малышка тоже была из Города, и Карлос даже смог смутно припомнить её прадедушку – из той поры, когда он ещё был человеком.

Поначалу всё шло хорошо. Время летело, ничего не менялось, да Карлос особо и не хотел перемен. Ведь он для того и стал деревом, чтобы свежесть облежала его брови, лицо и грудь, иголки свободно трепетали по воздуху, на ветвях чирикали птицы, а корни могучим, долгим усилием вбирали влагу из земли.

Но без перемен в этом и других мирах никак нельзя. Перемены были неизбежны, и они всё-таки приходили. К Городу внизу провели широкую дорогу, и он запестрел палатками и шатрами из дорогих отрезков ткани. Город неустанно рос, разбухал, как на дрожжах, словно налитое яблоко осенью или арбуз на бахче.

Знакомая девочка росла, и вот она уже превратилась из маленькой юной кучерявой принцески в нескладного большеносого подростка. Впервые Карлос ощутил какое-то беспокойство: его устраивало, когда всё идёт, как есть. Пусть он и не хотел жить в Городе, но любил его таким, какой он был. Иногда с раздражением взирал на разрастающуюся внизу опухоль – кривобокие, тят-ляп домишки.

«А что, если бы я снова родился человеком, то смог бы всё изменить?» – думал он, но тут же отвергал эту нелепую и крамольную мысль.

К тому же Эля перестала приходить, и Карлос медленно старел на своём утёсе, по-прежнему умиротворённый, хотя уже и не такой довольный. И всё же он тосковал по Эле. «Наверное, она встретила своего принца на белом коне», – думал Карлос.

Но вот однажды кое-что изменилось. Изменилось совсем.

Карлос впервые увидел эти клубы дыма утром. Они поднимались над степью, будто невиданный жёлтый пожар. Всполохи дыма загордили собой половину горизонта. Выползающее на него солнце, кроваво-красное по утрам, купалось в этой пыли. А затем пыль стала приближаться.

И Карлос заметил людей – крохотных, как муравьи, сердито настёгивающих своих низкорослых чахлых лошадок, со сморщенными злыми лицами, похожими на печёные яблоки, и сверкающими острыми шлемами. Они мчались и мчались, от горизонта к Городу, и им не было ни края, ни конца.

А затем Город полыхнул!

С ужасом и яростью Карлос смотрел, как огонь пожирает те уродливые постройки, которые он так ненавидел, и которые были так дороги ему сейчас. Огонь разливался, как вишнёвое варенье, которое он так любил в детстве.

И тогда он увидел Элю.

Если бы у дерева было сердце, оно задрожало б от восторга и боли. Маленькая Эля выросла! Настоящая красавица в платье, которое приходилось придерживать обеими руками, она

мчалась по узкой тропинке, обдирая руки в кровь и сбивая башмаки. Поначалу Карлос подумал, что она бежит к нему – что за нелепая мысль?! – но затем понял: чуть левее через пропасть был протянут верёвочный мост. Если по нему перейти, а затем обрубить концы...

В руке у Эли был зажат нож. К несчастью, к мосту вела не одна дорога, а целых три!

И первые две уже заполнились людьми. Карлос в гневе смотрел на эти плоские лица, горящие звериной похотью и злобой, на одежду, больше смахивающую на лоскуты рванья, на мечи, кривые и залитые кровью. Эля молча обхватила его ствол руками и закрыла глаза. Дыхание вырывалось у неё из груди с хрипом и какими-то неритмичными рывками.

– Вот и всё, – вдруг сказала она голосом маленькой Эли. – Прощай, дерево.

И она разжала пальцы. Карлос заревел.

Поймав заплутавший в вышине ветер, он поспешно сплёл из его потоков смертельные узлы. Старая, хотя и не ветхая плоть издала душераздирающий стон. Да, он по-прежнему был крепок и могуч, и мог бы цепляться за жизнь ещё долго, долго – но не этого он хотел. Корни с противным визгом выдирались из зем-

ли. Вырывались и падали в пропасть камни. Столпившиеся у моста дикари в потрясении смотрели на это действо.

– Он рос над обрывом, – твкнул один из них. – Не выдержал своей тяжести. Боги забирают его. Он падает.

Почти благоговейно они смотрели, как колоссальный ствол, перечертив голубоватосизую хмарь, приземлился точно на площадку на той стороне.

– О боже! – выдохнула Эля. – Ты сделало это для меня, для меня, дерево?!

Карлос сердито зашумел ветром в ветвях. Более не тратя время, она поползла. Прекрасные кринолины и шелка не были предназначены для ползания по старому стволу сосны. Она изодрала локти и распорол юбку. Варвары, опомнившись, с улюлюканьем лезли за ней. Но ветви будто держали их, сучья лезли в глаза, ствол выскользывал из рук. И когда она, дрожа от напряжения, ступила на твёрдый пяточок по ту сторону пропасти, дерево вдруг закрипело.

Нижние ветви подломились, и ствол, сделав грациозный поворот вокруг своей оси, с торжествующим стоном стряхнул с себя налипших на него, как муравьёв, дикарей. Затем медленно и величаво канул вниз.